

сона в историко-педагогическом журнале, выходящем в Германской Демократической Республике, что труды Моммзена и других крупных немецких историков XIX века стоят на недостижимой высоте по сравнению с работой Бенгтсона и подобными «новейшими исследованиями»¹. Рецензент справедливо указывает также на одну из главных причин низкого научного уровня книги Бенгтсона — отрицание роли экономических факторов, игнорирование рабовладения. Следовало бы только наряду с этим указать на наличие расистских тенденций в рецензируемой книге.

Разгром гитлеровского фашизма Советским Союзом открыл перед немецкой историографией древности широкие возможности свободного научного исследования. Одной из важнейших предпосылок успешного изучения исторического прошлого является беспощадная критика всего наследия фашистской лженауки, которая популяризируется Бенгтсоном.

А. И. Немировский

M. LAUNEY, Recherches sur les armées hellénistiques, P., т. I, 1949, XI+624 стр.; т. II, 1950, 625—1315 стр.

Наблюдаемый в буржуазной историографии за последние десятилетия рост интереса к истории эллинизма объясняется рядом моментов. Между ними немалую роль играют культ «сильной личности» — завоевателей типа Александра Македонского и расовые теории, ищущие в эллинизме подтверждения претензий «избранных народов» на мировое господство. После второй мировой войны американско-английские буржуазные историки выдвигают на первый план приписываемый эллинизму космополитизм. В изучении истории эллинизма с особой силой проявляется излюбленная буржуазными, особенно американскими, историками модернизация исторических событий. Разрозненность источников по истории эллинизма используется современными буржуазными учеными для пропаганды исторического нигилизма, отрицания закономерности исторического процесса. Неспособность объяснить истинные, социально-экономические причины происхождения, развития и гибели эллинизма приводит к отказу от обобщений.

Рецензируемая книга представляет собою объемистую двухтомную работу профессора университета в Нанси, члена французской школы в Афинах, М. Лоней, который, по его словам, уже с 1932 г. начал заниматься данной темой. Положительной чертой работы является сводка огромного фактического материала, подобранного из многих палеографических и эпиграфических документов, и наличие хорошего аппарата, позволяющего использовать эту книгу в качестве справочника. Автор заявляет во введении (стр. 6), что он хотел исследовать «военное население» эллинистического мира и показать эллинистическую армию как «элемент общества» (стр. 6). Однако с этой задачей М. Лоней не справился. Это прежде всего ф а к т о л о г и ч е с к а я работа.

Лоней неоднократно говорит, что историк античности является «рабом документации» (стр. 19), и призывает историков опираться лишь на «формальные документы» (стр. 999). Для него руководящим является формально-юридический метод анализа документов и фактов. Опора на документы — закон работы историка, но Лоней это ведет к формализму, к отказу от широких обобщений и вскрытия коренных причин исторических явлений. Поэтому он явно избегает излагать свои общие взгляды на основные вопросы истории эллинизма. Тем не менее эти взгляды можно проследить по ряду высказываний, особенно в заключении.

В оценке сущности эллинизма Лоней мало оригинален. Он эклектически соединяет взгляды Эд. Мейера, В. Тарна, М. И. Ростовцева, которых он охотно цитирует. В конечном итоге, вслед за Дройзеном, он рассматривает эллинизм как явление

¹ «Geschichte in der Schule», 1950, № 1, стр. 47 сл.

политическое и главным образом культурное. Лоней особенно охотно подчеркивает космополитический характер эллинизма. Совершенно неверно характеризуется, например, Египет как «космополитическая страна» (стр. 676). Подобно подавляющему большинству буржуазных историков, автор исключительно преувеличивает роль Александра, связывая распад империи только с его смертью. Преувеличение роли личности весьма характерно для всей современной буржуазной историографии.

Подобно В. Тарну автор делит историю эллинизма на два периода: до и после 200 г. до н. э. Промежуток между 220 и 180 гг. до н. э. Лоней считает временем «серьезной внутренней трансформации» (стр. 1093) эллинизма. Эта «трансформация» объясняется исключительно ослаблением иммиграции греко-македонцев на Восток и «метизацией» их, что, по Лоней, и повело к культурному, а затем и политическому упадку. Таким образом, Лоней стоит на откровенно расистских, антинаучных позициях. «Эллинизм, — пишет он, — держался только посредством непрерывной иммиграции новых элементов, не загрязненных Востоком» (стр. 1092). Упадок эллинизма объясняется старческим увяданием греческой культуры и главным образом «малочисленностью, изоляцией и прогрессирующей физической и моральной ориентализацией ее защитников» (стр. 1093). Таким образом, в объяснении «трансформации» эллинизма, а затем и его гибели, автор исходит не из социально-экономических условий развития рабовладельческого общества, а из явлений вторичных, культурных, главным образом этническо-миграционных, что является методом замазывания ожесточенной классовой борьбы в древности. Притом бросается в глаза огромная роль, отводимая автором физиологическому и геополитическому факторам; он говорит о потере «жизненности» Грецией в связи с потерей ею «демографической мощи» (стр. 1088), о «физиологической болезни», постигшей европейцев, обосновавшихся под «более жарким небом», что проявилось в падении рождаемости и росте детской смертности, «не говоря об общем упадке активности и усталости индивидуума и расы» (стр. 1090). Македонцы, имевшие много колоний в Египте и Азии, по мнению автора, сохранили веком далее, чем греки, «физиологическое сопротивление» (стр. 1088).

Лоней не скрывает своих расистских взглядов. Всю историю эллинизма он представляет себе в виде борьбы двух начал: греко-македонского — высшего и «варварского», восточного — низшего. Например, говоря об уменьшении количества имен греков в документах II—I вв. до н. э., он объясняет это тем, что общение с восточными народами постепенно «ослабляло расовые качества, культурные и даже этнические» (стр. 1088).

Объясняя упадок эллинизма прекращением иммиграции на Восток, автор связывает потерю территории даже не с политическими, а непосредственно с расово-физиологическими причинами. «Предоставленные сами себе, греко-македонцы — иммигранты, пораженные в их здоровье, жизненности и плодovitости, предоставленные всем расовым изменениям, которые следовали за смешанными браками, не переставали терять территорию» (стр. 1090); многочисленность галатов объясняется «плодовитостью расы» (стр. 494); усиление семитской иммиграции в Египет во II—I вв. до н. э. автор называет «ревалшем победленного Востока».

Резкое противопоставление Запада Востоку является регрессом по сравнению даже с трудами буржуазных историков конца XIX — начала XX в. и ярко иллюстрирует упадок буржуазной историографии античности за последние годы. Лоней отстает даже от Гегеля, так как умалчивает о богатом историческом прошлом восточных народов. Фракийцы, мисийцы и народы юга Малой Азии в книге называются «варварами», «без собственной культуры» (стр. 1089). Расистские взгляды приводят автора к извращенной оценке римской агрессии на Востоке (стр. 1093). Рим выступает у Лоней в качестве культуртрегера и спасителя эллинистической культуры: «Римское завоевание спасло все, что можно было спасти, от эллинистической культуры» (стр. 1094). Тем самым оправдывается римское насилие, грабеж, лишение независимости многих племен и народов.

Итак, общая концепция автора полностью расистская; он повторяет положения немецко-фашистских «теорий». Лоней нигде даже словом не коснулся социально-экономических основ эллинистической эпохи, он совершенно умалчивает о рабстве, делаая

шаг назад даже по сравнению с Тарном, который пишет, что не следует упускать из виду «рабовладельческую подоплеку»¹ эллинистического общества. В книге совсем не затрагивается непосредственно связанный с темой исследования вопрос об отношении рабов к армии. Между тем известно, что рабы не всегда были пассивными, они часто переходили на сторону противников своих хозяев, имелись случаи привлечения рабов в армию.

Таковы, так сказать, общесторические взгляды Лонея. Переходя к конкретной теме его книги, мы должны остановиться прежде всего на том, как трактует он вопрос о роли войн в древности. Автор отмечает, что эллинистический мир оставался в большой степени «миром милитаристическим», и добавляет, что эллинизм вызвал такие движения народов, которые нельзя было наблюдать с эпохи «индоевропейских миграций» (стр. 6). Основной причиной войн в период эллинизма Лоней считает миграции. В действительности же усилившиеся и участвовавшие военные столкновения, начиная с походов Александра, объясняются развитием рабовладельческой экономики, ростом классовой борьбы, растущей задолженностью и обезземеливанием основных масс производителей, развитием рыночных отношений. Именно этими явлениями следует объяснить частые войны, численный рост армий, развитие наемничества и его роль в политической жизни. По автору же, возросшее значение армии определялось наблюдением за завоеванными территориями и оккупацией их; войны становятся «естественным состоянием» («état naturel») эллинистического мира. Само наемничество часто объясняется моральными или этническими факторами, например, применение наемничества в Ахейском союзе, оказывается, было вызвано «отвращением» ахейцев к военному делу. Вообще вопрос о наемничестве занимает очень много места в книге Лонея. Смешивая наемничество с иммиграцией, автор определяет наемничество как временную, а военных колонистов, — как постоянную, длительную иммиграцию.

Лоней формально-схематически делит военные столкновения в эпоху эллинизма на три группы: 1) между городами-государствами, 2) между конфедерациями и 3) между монархиями. Тем самым он крайне упрощает многообразность военных столкновений, выбрасывает за борт войны рабов.

Перейдем к систематическому рассмотрению содержания рецензируемой работы. Первая часть, называемая Лонеем этническим исследованием, состоит из 10 глав и ставит своей задачей исследование вопроса о том, как эллинистические государства находили солдат для своих армий (стр. 15). Внимание автора обращено на армии Селевкидов и Птолемея и лишь частично на армии центральной Греции. Здесь рассматриваются не эллинистические армии как целое, а только вопрос о том, откуда, в какой степени и в какое время эллинистические армии пополнялись солдатами, главным образом, наемниками и военными колонистами. Для читателя остается неясным даже этнический состав армий, не говоря уже о том, как он влиял на тактику и на боеспособность армий.

Переходя непосредственно к изучению этнического состава эллинистических армий, автор в главе 1-й («Статистические очерки») указывает источники, по которым он определяет этническую принадлежность; это, прежде всего, списки солдат из центральной Греции с указанием места их происхождения или этнической принадлежности. Здесь же делается рискованное предположение о том, что все солдаты с указанием, из какого города они происходят, являлись греками, а с указанием этноса — варварами, несмотря на предшествующее замечание самого Лонея о том, что многие солдаты в составе военных этнически чуждых контингентов могли выступать под другим этническим наименованием (например, псевдоперсы в Египте). В случае отсутствия «политических» или «этнических» показателей автор прибегает к ономатике, указывая одновременно на ненадежность этого источника. На основании шести наиболее полно сохранившихся списков конца IV—III в. до н. э., Лоней определяет предварительные статистические дан-

¹ W. W. T a r n, Hellenistic civilisation, L., 1952, стр. 4.

ные, из которых следует, что в то время наемники были главным образом греками, а основными центрами вербовки наемников являлись Пелопоннес, центральная Греция, Фессалия и острова. Из «варварских» областей наемников поставляли Фракия, Македония и Египет. Среди документов II в. сохранилось меньше этнических указаний, и потому автор сосредотачивает внимание на анализе имен, что приводит его к выводу о сокращении в это время числа греко-македонских наемников и увеличении количества наемников «варварских», семитских, особенно в Египте.

Поскольку от определения этнической принадлежности зависят основные выводы Лоней, нужно сказать, что в ряде случаев его толкования весьма сомнительны и натянуты; так, например, перемену этнического показателя Πέρσις на Μακεδών (стр. 326) автор неправильно связывает с производством в высший военный чин¹.

Затем Лоней переходит к анализу надгробных стел и граффити из Сидона, Александрии, Абидоса, Мемфиса и т. д. Здесь, как и во всей работе, главное место занимает анализ египетских документов, причем автор приходит к выводу, что в III в. до н. э. в египетской армии преобладали греческие (островные), особенно критские, анатолийские (галаты и др.) и северо-африканские (жители Киренаики) элементы, в то время как после 200 г., а особенно в I в. до н. э. усиливается семитский элемент. Среди военных колонистов преобладают и довольно устойчиво сохраняются македонцы и фракийцы, в то время как известные наемники III в. — критяне — не доставляли клерухов.

Данные античных писателей используются автором главным образом для анализа этнического состава селевкидской и отчасти птолемеевской армий. Из этих данных (например, Polyb., V, 79) следует, что селевкидская армия состояла не только из наемников, но в большей части из местных, рекрутируемых на других условиях, элементов. Впрочем, автор отказывается от анализа этих элементов, а также состава гражданского ополчения полисов и конфедераций. Нечего и говорить, что такое ограничение темы исследования искажает представление о составе армий в целом, чему в немалой степени способствует и принятый Лонесом порядок анализа источников. Необходимо было начать с литературных источников и перейти к эпиграфическим, ибо разрозненные и неполные эпиграфические документы явно не в состоянии дать цельной картины. Автором также исключается из предмета исследования македонская армия, как «национальная» (стр. 56), и пергамская, как рекрутировавшаяся из пергамских граждан.

В последующих главах первой части, из коих наиболее содержательны глава V (о македонцах) и раздел о Крите в главе IV, автор рассматривает эллинистический мир по географическому принципу в следующем порядке: Пелопоннес, центральная и северная Греция, острова, Македония, балканские области, Малая Азия (галаты), Сирия, Финикия, Палестина, Аравия, Иран и Западная Африка. Каждая из этих географических областей в свою очередь разбита на микрорайоны по этническому признаку. Географический обзор эллинистического мира никак нельзя признать полным, поскольку автором исключены столь важные области, как Понт, Парфия, Северное и Западное Причерноморье.

Эти главы представляют собой фактически лишь сводку документального материала, расположенного в хронологическом порядке. Сам материал очень рыхлый, подчас он не подвергается самому элементарному анализу и исторической критике. В основном в этих аналогичных по структуре главах повторяются выводы, предложенные автором во введении и первой главе; принципиально они не дают ничего нового и лишь уточняют размеры эмиграции из каждой области.

Центральная и северная Греция направляли своих солдат, главным образом, в Сирию и Египет, причем в конце IV в. преобладали пелопоннесские элементы, в III в. — наемники и военные колонисты из центральной и северной Греции. Фера, Лесбос, Самос, Кос и Родос поставляли в III в. по преимуществу моряков и командный состав для эллинистических армий. С 280 по 150 г. процветает критское наемничество. Известно, что именно в III в. на Крите шла особенно острая социальная и политическая борьба, но автор не говорит об этом, а, наоборот, считает, что ухудшение

¹ См. E. G. Turner, JHS, LXX (1950), стр. 95.

экономического положения Крита в I в. н. э. привело к ослаблению критского наемничества.

Македонцы не составляли большинства в селевкидской и египетской армиях, но были их сильным и устойчивым ядром, поэтому автор называет эти армии «македонскими»; стоит отметить, что основные македонские элементы поступали в армию не из самой Македонии, а из колоний, основанных Александром.

Фракийцы в большом количестве служили в эллинистических армиях, но в Афинах и Пергаме они были наемниками, в Египте — клерухами, а в Македонии и Риме служили во вспомогательных войсках; в селевкидской армии фракийцев было меньше, чем в египетской; с середины II в. до н. э. иммиграция их ослабевает, что объясняется автором «моральной» или «социальной» трансформацией или уменьшением населения. Не в силах разобраться в социально-экономических причинах увеличения или сокращения эмиграции, автор, подобно другим буржуазным историкам, часто ссылается на «депопуляцию», не понимая того, что рост или уменьшение народонаселения не может быть главной силой развития общества.

Из других балканских народов (траллы, псоны, агрианы, амфилохи, эпироты, бастарны, иллирийцы) наибольшее количество солдат давала Иллирия. К разряду балканских народов автор причисляет и скифов. Лоней очень плохо знает Северное Причерноморье, он этнически не различает скифов и сарматов (стр. 421) и ограничивается лишь краткими замечаниями о том, что армия Митридата VI включала северочерноморские народы; «обширные и населенные территории, идущие от Дуная до Кавказа», доставляли немного людей в эллинистические армии. Автор почти совершенно не знает литературы о Северном Причерноморье. Лоней умалчивает об армии Митридата, столь существенном звене военной истории I в. до н. э. Это тем более недопустимо, что в своих основных чертах состав армии Митридата поддается анализу и интересен с точки зрения участия в ней северо- и южночерноморских народов.

Подробно рассматриваются Лонеем галаты, которые после вторжения в Малую Азию широко использовались в качестве наемников по всей Малой Азии вплоть до Египта и Македонии. Заметно националистическое стремление автора реабилитировать жестокость и свирепость галатов. Отмечая самую характерную деталь галатского вооружения — овалный большой щит, *θώρας*, автор приводит аналогии щитов на пантикапейских терракотах, упуская из вида изображение этого же типа на пантикапейских надгробьях.

Лоней по формальным соображениям отказывается от рассмотрения вопроса о службе египтян и египетских греков в птолемеевской армии; он говорит только о тех греках, которые поступали на службу в другие армии, а так как египтяне в других армиях не служили, то о них специально не говорится. Ясно, что таким образом совершенно искажается картина этнического состава как птолемеевской, так и других эллинистических армий.

Характерно отношение Лонея к этолийцам. Считая их «полуварварами» иллирийского происхождения, слепо доверяя Полибию и Ливию, враждебно относившимся к Этолии, автор, не жалеет красок в изображении свирепости этолийцев, сбиваясь с повествовательного на морализирующий тон: «Какая несправедливая свирепость, какое буйство примитива по отношению ко всему, что составляет объект их возмездий!» (стр. 199). Вместо того, чтобы вскрыть картину быстрого разложения первобытно-общинных и формирования рабовладельческих отношений в отсталой до того времени Этолии, автор вновь возвращается к своим излюбленным теориям о «жизненности расы» и пространно описывает карьеру Теодота, Скопаса и др. Модернизируя общественный строй отдельных областей древней Греции, он пишет, что в Фессалии «архаический социальный строй, по крайней мере в деревне, приближался более к македонскому, чем к строю Греции, квазифеодальный режим давал местным дворянчикам, разводившим лошадей, прямое командование над их вассалами» (стр. 222).

Вторая часть работы, называемая Лонеем социологической, состоит из семи глав (XI—XVII). В XI главе («Армии и города») анализируются взаимоотношения солдат и населения городов, в которых они были расквартированы, изучается юридический

статус солдат-эмигрантов по отношению к их первоначальной родине и, в частности, вопрос о том, в какой мере окончательная эмиграция лишала «индивидуума» (колониста) права прежнего гражданства. Здесь, как и во всей работе, Лоней ограничивается формально-юридическим анализом текстов.

Более интересно начало главы XII («Армии и население»). Автор убедительно рисует бедствия, чинимые насмной армией населению. Нужно полагать, что перед его глазами стоят картины гитлеровской и современной американской оккупации Франции. Он говорит, что «обычай военной жизни одинаков повсюду, так что ни одна точка территории поистине не ускользает от страшного присутствия армии» с «актами дисциплинированности, сценами произвола, опустошения, нанесения ущерба, грабежа». Однако затем он опять переходит к формально-юридическому рассмотрению вопроса.

В главе XIII («Социальные условия жизни солдата») Лоней заявляет, что будет изучать материальные условия жизни солдат. Однако затем он резко сужает рамки исследования. Тем не менее здесь собраны, хотя и не проанализированы, сведения о формах и размере оплаты солдат; автор подчеркивает трудности в снабжении и оплате армий, указывая, что эллинистические монархи часто прибегали и к беззакониям для добывания средств. В результате автор приходит к выводу, что уровень жизни «военного класса» был выше уровня жизни подавляющей части населения, а военная профессия была вообще прибыльной, хотя греко-македонцы получали большее жалование, чем другие солдаты. «Военное сословие, — пишет автор, — производило впечатление сильно иерархизированного социального класса колонизального типа» (стр. 777). Автор не может вскрыть причины более высокого положения солдат, так как он не понимает того, что армия была орудием классового господства рабовладельцев. Неправильно объясняется Лонеем невыгодность военной профессии, начиная со II в. до н. э., как результат обесценения монеты. Ухудшение материального положения солдат в ряде эллинистических армий было связано со всем комплексом экономических, социальных и политических изменений, приведших к ослаблению эллинистических государств. И все же солдаты были в значительно лучшем положении, чем основная масса населения, поэтому неверно утверждение автора о том, что во II в. «даже в богатом Египте солдат становится бедным пролетарием» (стр. 1091). Для характеристики материального и социального положения солдат автор привлекает в основном мало надежные данные Новой комедии, а также надгробий и терракот, но не упоминает об аналогичных находках из Пантикапея.

Главы XIV («Армия и гимнасия») и XV («Армия и религиозная жизнь») перегружены дополнительным материалом, только косвенно связанным, а зачастую и вовсе не связанным, с темой. Для Египта связь солдат с гимнасиями неправоммерно объясняется в первую очередь верностью династии, поскольку гимнасии были центром царского культа. Автору не удалось выделить то специфическое в религиозной жизни, что связано с армией, ибо участие в религиозных процессиях, жертвы, легенды о явлении богов («эпифании»), почитание богов-спасителей, обряды не были исключительно связаны с армией. Далее делаются малоуспешные попытки выделить профессиональные армейские божества. Следует отметить интересное замечание Лоней о значительной роли армии в распространении эллинистических культов на Востоке. Обратное влияние восточных культов на эллинистические шло главным образом через купцов и рабов.

Следующая глава XVI («Объединения солдат») близко примыкает к предыдущей, поскольку автор большое место отводит ассоциациям солдат, основанным на общности культа. Специфически военных «корпоративных» ассоциаций было мало, ибо «в целом принципы их образования оставались вне армии» (стр. 1036).

Большой интерес возбуждает название последней главы — «Армия и политические формы», однако содержание этой главы не дает ничего нового. Вместо показа роли армии в политической жизни эллинистического периода автор ограничивается выяснением только того, в какой степени солдаты, будучи в армии, сохраняли «традиционные политические формы» (стр. 1037). На примере Аттики автор говорит, что в греческих городах солдаты активно участвовали в политической жизни, но под этим он

подразумевает, главным образом, право издания почетных декретов в честь магистратов и своих начальников. В монархиях солдаты пользовались меньшими правами в этом отношении. Знаменательно, что известный договор между Евменом и возмущившимися солдатами автор называет «частным случаем», в то время как именно этот договор давал прекрасную возможность поставить широко вопрос о роли армии в политической жизни. В заключение автор говорит о том, что политическая активность солдат была «более иллюзорной, чем реальной: машина вертится впустую» (стр. 1084 сл.).

Итак, политическая роль армий, сами формы политической активности автором показаны узко и формально. Из них выхолено главное, ибо сознательно выброшены из объекта исследования роль войсковых собраний в македонской армии, а также отношение армий к политическим властям, давление армий на правителей или на города, восстания солдат — «короче все факты преторианства», как говорит автор, «чуждые исследованию о сохранении греческой цивилизации» (стр. 1085). Однако эти факты не являются фактами «преторианства», и они не чужды историческому исследованию. а. наоборот, должны были лечь в основу подлинно-научного изучения эллинистических армий.

Таким образом, автор данной работы стоит на порочных методологических позициях расизма. Книга отличается узостью поставленных проблем, формально-юридическим методом исследования, эмпиризмом и модернизацией исторических явлений. Автор не в силах понять истинные движущие силы истории эллинизма, сущность самого эллинизма, роль армии и ее особенностей в эпоху эллинизма.

Н. И. Сокольский

P. CLOCHÉ, La démocratie athénienne, P., 1951, 432 стр.

Труды обобщающего характера, посвященные исследованию узловых моментов античной истории, представляют собой довольно редкое явление в современной буржуазной исторической литературе. Те же весьма немногочисленные общие труды синтетического характера, которые изредка появляются в буржуазной историографии, ярко иллюстрируют порочность концепций буржуазных историков. Представители западноевропейской историографии либо отказываются от обобщения фактического материала, либо становятся на путь фальсификации истории. Модернизация и фальсификация античности оказываются средством для обоснования современных политических требований империалистов.

В этой точки зрения интересен рецензируемый труд известного французского историка Поля Клоше, который уже многократно выступал с исследованиями в области истории древней Греции, преимущественно Афин классической эпохи¹. Рецензируемый труд Клоше охватывает большой период истории Афин, начиная от Солона и кончая падением демократии, которое автор приурочивает к Ламийской войне 323—322 гг. до н. э. Книга состоит из 27 глав и заключения; к ней приложен обширный список литературы по данному вопросу, в который не вошли работы русских исследователей, немало сделавших в этой области², хотя, наряду с новыми трудами, указаны и старые работы Бузольта, Белоха, Эд. Мейера и даже Дройзена.

Труд Клоше «La démocratie athénienne» является завершением 35-летней работы автора в области изучения истории Афин. Естественно было бы ожидать от автора,

¹ См. его работы: 1) *La restauration démocratique à Athènes en 403 avant J. Chr.*, P., 1915; 2) *La civilisation athénienne*, P., 1927; 3) *La vie publique et privée des anciens Grecs*, P., 1931; 4) *La politique étrangère d'Athènes de 404 à 338 avant J. Chr.*, P., 1934; 5) *Démocratie et la fin de la démocratie athénienne*, P., 1937; 6) *Le siècle de Périclès*, P., 1949.

² Например, работы М. С. Куторги, В. П. Бузескула, Р. Ю. Виппера и др.